

Он создается в Киеве, на берегу Днепра

КИЕВ. (Наш корр.). В столице Украины, на живописном склоне Днепра, будет сооружен памятник в честь воинов Советской Армии, погибших в борьбе за независимость Родины во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Местом, где будет воздвигнут памятник, избран район бывшего Аносовского парка, которому присваивается наименование «Парк вечной славы воинам Великой Отечественной войны».

Это будет комплекс сооружений. Главные из них: монумент-обелиск, отбрасывающий идеи освободительной миссии Советской Армии и великой славы воинов, погибших в Великой Отечественной войне, а также могила Неизвестного солдата.

На центральную площадь к монументу будут перенесены останки выдающихся воинов-героев, похороненных в районе Аскольдовой могилы и в других местах.

Совет Министров Украинской ССР и ЦК КП Украины утвердили задания на изготовление проекта памятника. Эти задания станут основой для составления программы открытого конкурса на проект монумента.

Подвиг Николая Никифорова

В переломные дни на улицах Минска появилась скромная афиша, объявлявшая о том, что в Окружном доме офицеров организована выставка работ художника — старшего лейтенанта Николая Никифорова. Николай Никифоров — профессиональный художник. Коротка его военная биография. В конце 1941 года он окончил артиллерийское училище и вскоре начал воевать на Волховском фронте в качестве командира артиллерийской батареи.

В дни военной учебы, по дороге на фронт в на фронте Николай Никифоров сделал около двухсот рисунков, этюдов, набросков. Шаг за шагом он запечатлевал ратный подвиг своего народа. И вот результат — художественный дневник, своего рода «книга про бойца». Коротко рассказывает об этих работах очень трудно: на каком рисунке остановиться, какому из них отдать предпочтение, если имеешь дело с ежедневно, ежечасно запечатлевающейся правдой жизни военных лет?

Здесь и картины боя, сделанные в ходе сражений, как говорится, «в четырех шагах от смерти», здесь и портреты однопольчан, и вдохновлявшая художника война картина родной природы, здесь, наконец, эпизоды фронтового быта — рисунки то сурово-мужественные, то скорбные, то веселые и улыбающиеся, то задумчивые или ласково-насмешливые. Рассматривая их и думаешь: какая великая душа была у этого чудесного мастера!

Из фронтовых рисунков Николая Никифорова вытекает образ автора — вдохновенного мастера с зорким глазом, с острой чуткостью, с глубочайшим своеобразием видения цвета, мастера, который никогда и ни в чем не отступал от жизненной правды. Вот рисунок с лаконичной подписью: «Деревня Дымко, взятая нами в июле 1942 года». Самой деревни нет. Нет даже пепелища. Есть только высота, на кото-

рой видны разоренные дотла гнида жилища да угольно-черные останки деревьев, потрескавшиеся своей страшной наготой среди буйно зеленого лета... Николай Никифоров писал в тяжелых условиях, и перед его ратным и трудовым подвигом обаяет голову каждый художник. У Никифорова часто не было бумаги, иногда не хватало красок. Он рисовал на чем попадется, чем придется и где придется. Большинство работ исполнено на обороте обыкновенных почтовых открыток. На некоторых незавершенных работах видны пометки: «Сине-серо-свиноево», «Бледно-серо-голубое». Художнику не хватало нужных красок, но к рисунку он рассчитывал вернуться потом, после победы. В одном из писем к сестре он писал: «Зима очень снежная, и вся белая гуашь вышла; помоги! Помоги не удалось. А в следующем письме художник сообщал: «Не унывай, выход найден: можешь поверить, что зубного порошка в полку теперь нет, я его забронировал за собой...».

Не раз предлагали Никифорову перейти на работу в тыл по специальности художника. Он решительно отказывался. 18 ноября 1942 года в тяжелом бою под деревней Спасская Полисть (между Чудово и Новгородом) Никифоров был смертельно ранен осколком вражеской мины. Так оборвалась замечательная, столько обещавшая жизнь... Однопольчане Николая Никифорова хорошо понимали, какого талантливого человека они потеряли. Его многочисленные рисунки, этюды, наброски, документы и письма были бережно собраны и посланы родным. Судьба этого бесценного наследия сложилась так, что лишь сейчас оно стало известным народу, за счастье которого беззастенчиво сражался его верный солдат Николай Никифоров.

Б. УСТИНОВ

МИНСК

Предшественницы «Правды»

Пожелание во времена лести. Наверное строгий заголовок «Волна». Выходит ежедневно... Ни лозунгов, ни указаний на организацию, выпускающую газету... это было опасно. Лишь список участников, опубликованный на первой странице (среди них фамилия Н. Ленина), указывал на большевистское направление газеты.

Первый номер легального большевистского органа «Волна» вышел в Петербурге пятнадцать лет назад — 26 апреля (9 мая) 1906 года. Существовала «Волна» недолго — около месяца. Редактировал комплект «Волны» хранится сейчас в Ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В Ленинграде, в Центральном государственном историческом архиве, есть объемистое дело Главного управления по делам печати за 1906 год. Перелистываем его странички. Сразу же по выходе № 6 «Волны» Цензурный комитет вынес постановление об аресте газеты за печатание статьи «Первое мая» и привлечение редактора к уголовной ответственности. Следующие номера постигла та же участь. Из выпущенных 25 номеров «Волны» конфисковано восемь, из них уничтожено семь; редактор привлечен к уголовной ответственности несколько раз.

В 1906 году переловая статья «Борьба за свободу и борьба за власть» была подписана инициалами «Н. Л.».

Приехавшая в IV съезде партии В. И. Ленин стал фактическим редактором «Волны». Почти в каждом номере появлялись его пламенные статьи, направленные против либеральной буржуазии и ее партии кадетов, против предательской тактики меньшевиков.

24 мая вышел двадцать пятый номер газеты. Передача была написана Владимиром Ильичем. Это был последний номер легальной большевистской «Волны». Дальнейшее издание газеты «Волна» было приостановлено. Через две недели после закрытия «Волны» — 26 мая 1906 года в Петербурге вышел первый номер большевистской газеты «Вперед». Список сотрудников был тот же, в номере публиковалась статья В. И. Ленина.

Вскоре газета «Вперед» была закрыта. Тогда появилась «Эхо». Правдивое большевистское слово живо.

В сорока восьми номерах легальных большевистских газет, выпущенных в Петербурге после приезда В. И. Ленина, было напечатано 44 его статьи, 10 его заметок в отделе «Среди газет и журналов» и много редакционных примечаний.

Архив большевистских газет уничтожен. Возможно, что Ленин был автором еще ряда статей и заметок, напечатанных пятьдесят лет назад в ставших предшественницами «Правды» — легальных большевистских газетах «Волна», «Вперед», «Эхо».

Лекция Альберто Моравиа

В течение нескольких дней в Москве устат итальянский писатель Альберто Моравиа, известный советским читателям по новеллам из сборника «Римские рассказы», напечатанным в журнале «Новый мир».

На днях Альберто Моравиа прочел слушателям Высших литературных курсов лекцию о традициях итальянской литературы, охарактеризовал состояние ее современной прозы. Отвечая на вопросы слушателей, писатель говорил о своих эстетических взглядах, в частности, о своем отношении к Толстому и Достоевскому, которых счи-

тает величайшими художниками, рассказал об итальянской кинематографии, об издании книг советских авторов в Италии, об отношении читателей к советской литературе.

Во время встречи с профессором, преподавателями и слушателями Высших литературных курсов А. Моравиа обменялся мнением с аспирантом Н. Томашевским, который переводит для издательства «Иностранная литература» его новую пьесу «Беатриче Ченчи».

«Вагиф» на сцене русского театра

БАКУ. (Наш корр.). Общественность Азербайджана готовится широко отметить 50-летие со дня рождения народного поэта республики Самеда Вургуня. На предпринятых, в зданиях культуры и клубов, в учебных заведениях проводится вечера, посвященные поэту. Состоялся конкурс на лучшее исполнение его произведений.

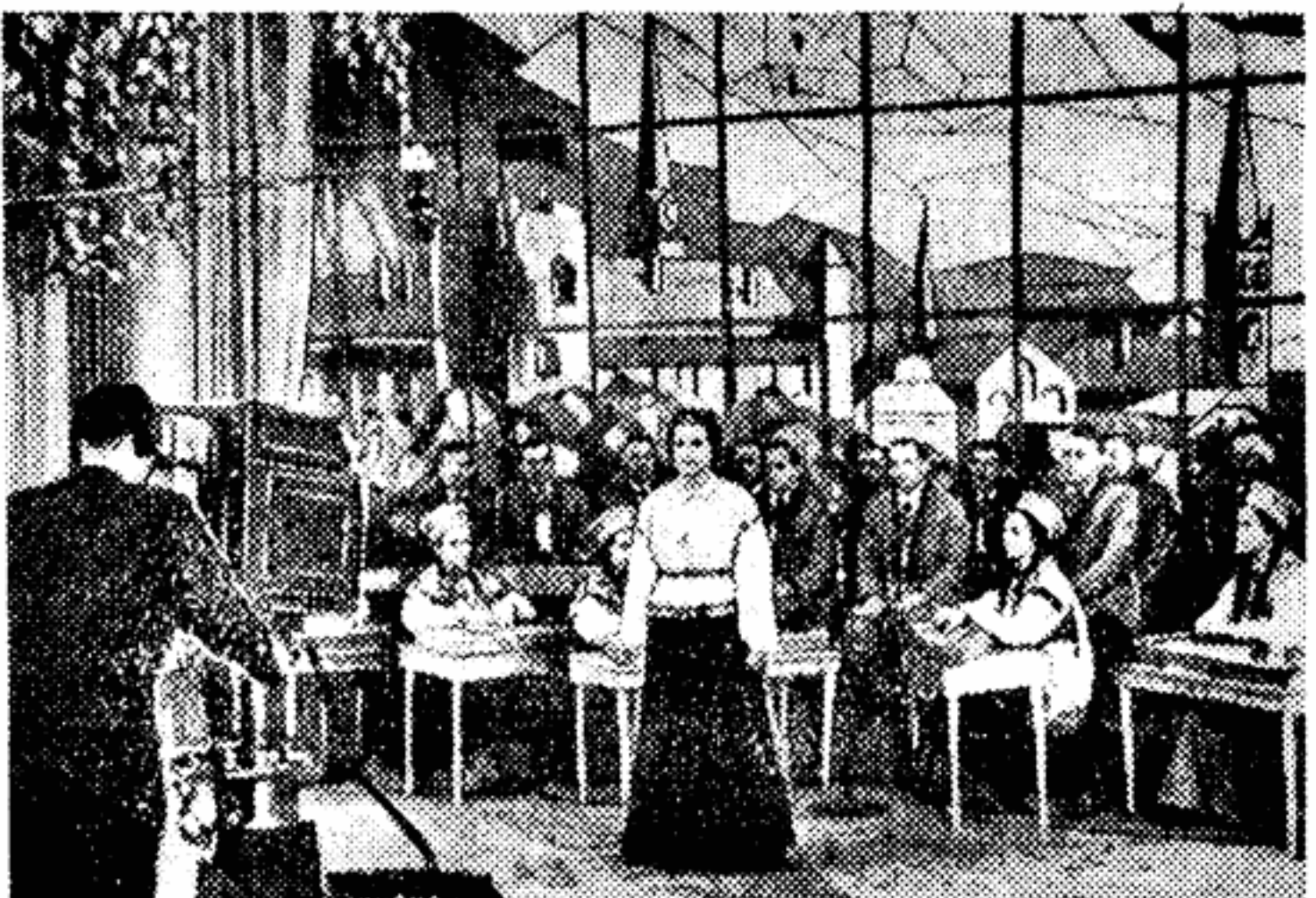
Государственный театр русской драмы недавно возобновил постановку народно-героической драмы С. Вургуня «Вагиф». Этот спектакль не шел на сцене русского театра около пятнадцати лет.

Драма воскрешает образ выдающегося азербайджанского поэта-гуманиста XVIII века Вагифа (Молла Паныха), пламенный борца за свободу.

В НОВОЙ СТУДИИ

До последнего времени Рижский телевизионный центр вел свои передачи из небольшого помещения, площадь которого не превышала 16 квадратных метров. Теперь открыта новая студия с залом в 300 квадратных метров. Это одна из крупнейших в стране студий, оборудованная по последнему слову техники и отличающаяся превосходными акустическими качествами.

В праздничные дни отсюда передавались концерты и спектакли. В выходные дни граждане впервые имели возможность увидеть по телевизору перемещение парада и демонстрацию. На снимке: репетиция концерта ансамбля латышской песни и пляски в новой студии.

Театра музыкальной комедии Латвийской ССР «Свадебное путешествие».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (3555)

Вторник, 8 мая 1956 г.

Цена 40 коп.

Жизнь и литература

Вот уже почти сорок лет Коммунистическая партия Советского Союза успешно продолжает дело, начатое Великой Октябрьской революцией. Большой, сложный исторический путь прошла Советская страна — от создания на руинах царизма первого в мире государства трудящихся, тогда еще слабого и осаждаемого многочисленными врагами, до могучей социалистической державы в великом содружестве стран, составляющих ныне мировую систему социализма.

Первое государство трудящихся создавалось и развивалось в смертельной борьбе с силами старого мира. Мы пережили и радости и печали, победы и поражения, которые несли с собой эта борьба. Мы были очевидцами и гениальных предвидений и свершений и трагических срывов и ошибок. Большой вред нашему делу нанес чудовищный марксистский культ личности со всеми его последствиями. Лишь очень сильная, очень мужественная, закаленная в боях партия могла с таким бесстрашием вскрыть ошибки, связанные с культам личности Сталина, сказать народу всю правду, как бы горька она ни была.

Такой сильной, мужественной, бесстрашной партией могла быть только партия, обеспечившая народу величайшие в истории человечества политические и экономические завоевания. Наме счастье, что мы имеем такую партию. Это Коммунистическая партия Советского Союза. Мы имеем огромные успехи в развитии страны, о которых ныне знает весь мир. И сегодня, стремясь до конца понять и осмыслить последствия культа личности, чтобы как можно быстрее покончить с ними, мы ясно осознаем крупнейшие изменения, совершившиеся в нашей стране, наши огромные успехи и завоевания. Наш народ, руководимый Коммунистической партией, построил социализм, в мире возникла целая система социалистических государств, мы строим у себя в стране коммунистическое общество.

Говоря о времени после смерти Ленина, мы отчетливо представляем, что это были годы укрепления и расцвета нашего социалистического государства во всех сферах его деятельности. И это главное. Иначе и не могло быть, поскольку мы признаем, что в обществе действуют объективные законы. Нельзя недооценивать роль, причиненный культам личности, но ведь и возводить этот культ до всеобъемлющей характеристики целого исторического этапа.

Все это в полной мере надо учитывать и при оценке влияния культа личности на литературу. Культ личности, действительно, нанес нашей литературе большой вред. Он сказался прежде всего в непомерном восхвалении и воздвигании личности Сталина во множестве произведений литературы и искусства. Это воздвигание неизбежно умаляло историческую роль партии, народных масс, мешало искусству глубже проникать в толщу жизни, находить и ярко показывать подлинно народные характеры.

Несомненно, что именно с культам личности связаны такие уродливые, возникшие в литературе явления, как бесконфликтность, лакировка действительности, этатское благостное, идеальное ее изображение. В послевоенные годы в ряде наших произведений заметно ослабла сила реализма, снижались в них и познавательное и героическое начала. Многообразие жизни, ее противоречия часто ускользали из поля зрения художника. Увеличилось число поверхностных, иллюстративных книг, тусклых и посредственных. Читатель не находил во многих книгах большой правды века, вдохновенной метчи. Но сожалению, немало таких произведений в свое время подымалось на щит, ним присуждалась сталинская премия. Культ личности вел многих писателей к отрыву от жизни, к обеднению жанров и изобразительных средств, к нивелировке языка. Особенно сильно пострадала поэзия, требующая всегда большей непосредственности, и драматургия, немиссия как без острых жизненных конфликтов. Очень не возло сатира. Литература обаялась тематически, проблематика художественного произведения часто сводилась к иллюстрации общезвестных положений. У многих писателей остыл интерес к поискам типических явлений жизни, остротам, сюжетам.

Так было. Но сказать только это — значит сказать часть правды. Было бы неверно полагать, что лакировочная тенденция определяла движение всей литературы. Можно назвать отнюдь не лакировочные произведения Шолохова, Фадеева, Федина, Леонова, Гладкова, Лациса, Ажаева, Николаевой, Ауэзова и многих других. Те писатели, которые свое вдохновение находили в жизни народа, не ошиблись. И именно их произведениями определялось развитие советской литературы, произведениями, в которых наша правдивое отражение жизнь народа. Руководимый Коммунистической партией, народ героически трудился, развивал свое хозяйство, свою культуру, укреплял меж-

дународный авторитет первого в мире социалистического государства. Пронизали глубинные гигантские процессы в нашей стране, высоко поднимали трудовой человек. Возьмите новые человеческие отношения, новый гуманизм, дружбу народов, расцвет национальных республик! Возьмите народное здравоохранение, образование, рост потребления! И разве можно не замечать заслуг нашего народа, нашей партии в историческом, все расширяющемся движении народов вверх по лестнице времени?

Все подлинно великое и хорошее, что делалось у нас, достигалось в напряженном труде, требовало жертв. Эти прекрасные усилия народа не нуждаются в приукрашивании, — обычно приукрашивают в том, в чем нет красоты, или тогда, когда не видят ее, — они достойны высокого, поэтического воплощения. Умелая рука художника должна извлечь красоту из нашего всеобъемлющего, миллионного дела, извлечь ее мужественные, неписанные черты и представить миру.

Наша литература много сделала в этом отношении. Но еще далеко не все и далеко не в полной мере. Здесь главная ее задолженность. Неумение широко взглянуть на мир и уловить большую правду времени, недостаток идейности, эмпиричность восприятия, кака-то болезненно-однобокая направленность духовного зорна иных писателей лишь на невзгоды, неурядицы жизни — разве все это можно выдвигать за подлинный реализм наших дней? Это так же далеко от реализма, как и лакировка.

Оглядываясь назад, на ряд произведений, воспевавших наше героическое время, дух наших могучих преобразований, мы видим, как много нового сказала советская литература миру, какие неисчерпаемые эстетические возможности раскрывает перо искусством кипучая жизнь народа, строящего коммунизм. Эти произведения нам дороги, они боевое оружие партии и народа в борьбе за построение нового общества.

Многие вопросы литературы сегодня упираются в понимание писателями правды жизни. Как ни странно, но в писательской среде г'вилась вития, которые, например, в призыве к актуальности литературы усматривают желание отвести писателей от правды, реализма. Они предпочитают видеть правду только в том, насколько еще целоко держит нас прошлое, не замечая нашей устремленности в будущее. Но ведь будущее никогда не превратилось бы в настоящее, если бы не побеждало новое. Поиски путей борьбы за победу нового всегда были источником вдохновения советских художников.

В нашей стране, где забота о росте благосостояния народа тесно связана с необходимостью все большего повышения производительности труда, дают о себе знать и такие пережитки прошлого, как потребительские тенденции. Литература прошла, например, мимо того факта, что у части наших людей, особенно молодых, слабо выражена любовь к труду и довольно сильно сказывается потребительское начало. Разве критика не вправе указывать на это в то время, когда нашей молодежи предстоит трудиться и трудиться? Разве критика не вправе звать писателя к подлинной позитивации труда? Разве не долг художника сурово обличать туснец, обывателей, смело вскрывать наши недостатки и трудности? И разве такая актуальность литературы, ее заинтересованность сегодняшним днем снижают силу реализма?

Иные скажут: опять схоластика, опять догматы, надо писать о жизни, как она есть. Да, надо писать о жизни, как она есть. Но правда жизни понимается по-разному, в зависимости от идейности писателя. Вся история литературы, реализма в особенности, свидетельствует о том, что художническое видение мира тесно связано с идейностью писателя, с его отношением к действительности. Другой вопрос, что взгляды писателя на жизнь часто противоречивы, что они эволюционируют в ту или иную сторону; и другой вопрос, что все изображенное художником-реалистом нельзя механически соотносить с его субъективными взглядами, оно объективно часто бывает шире, ближе к подлинным закономерностям жизни, к ее правде. В этом сказывается сила таланта и одна из особенностей эстетической природы искусства. Реальная жизнь в своем сложном течении, и она же, увиденная художником, — не одно и то же. Искусство всегда по-своему преобразует действительность, и поэтому так важно отношение художника к ней. В наше время писатель тем глубже видит жизнь, тем ближе он к правде, чем активнее участвует во всенародной борьбе за коммунизм.

Именно потому, что искусство по-своему преобразует жизнь, в нем нередко возникают, с одной стороны, тенденции ложного «приподымания» действительности, с другой стороны, — «принижения». Эти

крайности не новы. Еще Маркс и Энгельс отмечали, что герои революции рисуют или «с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы», или показывают «их нам в неглиже», что и те и другие «крайне далеки от действительного правдивого изображения лиц и событий». Маркс и Энгельс хотели, чтобы эти герои «были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости». Подобные крайности в искусстве отмечал и Гегель, одинаково осуждая и абстрактную идеализацию и холодную естественность.

Сегодня читатели справедливо отвергают лакировку, ложное приукрашивание действительности, как, например, в романе «Свет над землей» С. Бабаевского, во множестве современных стихов. Но правы и те, кто решительно не приемлет и «холодную естественность» — ту, что в разной степени сказывается на «Временах года», «Оттепели», «В родном городе». Если все единодушно отвергают лакировочные произведения, а «холодная естественность» все еще находит своих защитников у части читателей, то гражданский долг критики — возвысить свой голос и против натуралистических тенденций, против чрезмерного «приземления» материала действительности. Ее долг — звать писателя к глубокому проникновению в жизнь, к большому художественным обобщениям.

Если литература не чувствует, не отражает движущих сил эпохи, она становится узкокамерной, мелкой и тусклой. Без большого дыхания времени нет живого, действительного искусства. Но большая правда действительности должна предстать в конкретных образах, в определенных характерах, увлекательных и заразных. Вот к чему сводится свет народа в нашей литературе, и затемнять его не следует.

Решения XX съезда КПСС перед каждым литератором раскрыли безграничные перспективы творчества. Но ни же повьсилась гражданская ответственность писателя за коммунистическое воспитание народа, и особенно молодежи.

Удивительно, что в такое время находят люди, которые забывают о партийности литературы, под видом раядения за творческое многообразие зовут к всеядности и всепрощению. Находятся люди, которые зовут нас назад, к середине и началу 20-х годов, утверждая, что вот тогда было все хорошо и даже что ли не идеально. В речах иных ораторов на собраниях писателей и работников искусств деда شو уже о том, чтобы развенчать Маяковского и Станиславского, пересмотреть наше отношение к осужденному общественностью произведению Зоценко. Слово мы стали идеологически и эстетически неразборчивыми и уже не знаем, что хорошо, что плохо. Некоторые доходят до утверждений, что от народности, от реализма у нас не осталось ничего, или что наша литературная наука парализована, находится в состоянии деградации. Нет сомнения, что эти люди лгут или к разношерстным всевозможным шлокам и концепциям, и вовсе не заботятся о том, чтобы развивать, обогащать единственно научную марксистско-ленинскую теорию литературы. Ошибочное толкование процессов жизни, стремление показать их односторонне, без глубокого проникновения в смысл событий и характеров сказались, к сожалению, и на некоторых художественных произведениях, появившихся недавно в журналах.

Этакий нигилистический замах, этакая страсть к бездумному пересмотру почти всего, что создано нашей литературой и искусством, не в лицу советским людям. Незачем возводить напраслину на то хорошее, что у нас есть. Незачем нам обрадывать самих себя. Большинство писателей признает, что невозможно сразу, немедленно решить все вопросы, связанные с ликвидацией последствий культа личности в литературе, что нужна неторопливая, вдумчивая работа, не ослабляющая нас, а укрепляющая. Но очень жаль, что на некоторых писательских собраниях отдельные ораторы выступили с крайне непродуманными речами. Наряду с крайними требованиями попадают и такие, кто явно перепевает с чужого голоса: литература, мол, не должна быть «служебной политикой».

Подобные болотные настроения мешают делу, мешают искусству, и они всегда будут пущать наделавший решительный отпор. Советская литература была, есть и будет связана своей партийностью, своей прямой связью с политикой Коммунистической партии и Советского государства. Не ремесленные поделки приспособленцев определяют эту связь, а все то значительное, что создано советскими писателями, убежденно и до конца отдавшими себя служению народу, его борьбе за коммунизм.

Сегодня перед каждым литератором — огромное поле деятельности. Есть над чем призадуматься, по-новому оценить и осмыслить свою работу. Надо трудиться. Мы стали после XX съезда партии духовно богаче, прозорливее. И мы можем сделать больше, быстрее. В этом главное.

Сегодня перед каждым литератором — огромное поле деятельности. Есть над чем призадуматься, по-новому оценить и осмыслить свою работу. Надо трудиться. Мы стали после XX съезда партии духовно богаче, прозорливее. И мы можем сделать больше, быстрее. В этом главное.

Сегодня перед каждым литератором — огромное поле деятельности. Есть над чем призадуматься, по-новому оценить и осмыслить свою работу. Надо трудиться. Мы стали после XX съезда партии духовно богаче, прозорливее. И мы можем сделать больше, быстрее. В этом главное.

Партийное собрание ленинградских писателей

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Состоялось открытое собрание партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей. Оно было посвящено обсуждению вопросов идеологической работы и задач советской литературы в свете решений XX съезда партии.

С докладом на эту тему выступил А. Дымшин. Подчеркнув историческое значение решений XX съезда, докладчик говорил о широком круге проблем, имею-

щих прямое отношение к работе писателей, критиков, историков литературы, о тех огромных перспективах, которые открылись перед литераторами решения и материалы партийного съезда.

В докладе и выступлениях участников собрания были поставлены большие и серьезные вопросы, связанные с преодолением последствий культа личности, затронут ряд проблем творческой работы писателей. В прениях выступили О. Бертольд, А. Гор-

лов, Е. Катерин, Е. Люфанов, Г. Макогоненко, Д. Моддавский, В. Назаренко, С. Цимбал. В конце собрания выступил первый секретарь правления Союза писателей СССР А. Сурков.

В принятом постановлении партийное собрание призвало всех писателей глубоко изучить решения XX съезда партии, настойчиво бороться за идеальную чистоту и высокую художественность советской литературы.

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

«НАТО в беде»

В Париже закончилась двухдневная сессия совета Северо-атлантического союза (НАТО).

Хотя сессия при участии министров иностранных дел 15 государств была очередной, готовился к ней, как к чрезвычайному событию. Подготовку развертывалась под лозунгом, брошенным Даллесом: «Превратить НАТО в нечто большее, нежели военный союз». Эта фраза, столь неожиданная в устах государственного секретаря Соединенных Штатов, быстро стала крылатой. Западноевропейские политики, привыкшие слышать из Вашингтона только воинственные клики, вздохнули с облегчением. «Как приятно, что Даллес придерживается таких переловых идей!» — заявил 24 апреля представитель английской миссии в Париже.

Какой же ветер занес в госдепартамент эти новые идеи? Вель НАТО был создан по инициативе США как чисто военный союз, откровенно милитаристская группировка.

Дело являло в том кризисе, который переживает сейчас атлантическая организация. Разрекламированный, как «щит Запада» против несуществующей угрозы с Востока, союз превратился в тяжелую плиту, придавшему полтора десятка государств и грозящую похоронить под своей тяжестью их надежды на экономическое процветание.

Политика разбазаривания национальных богатств на безудержную гонку вооружений вызывает особенное осуждение общественности сейчас, в нынешних условиях. Разве не ясно, что гонка вооружений бессмысленна в момент, когда заметно ослабли международная напряженность, открылись широкие перспективы развития международного сотрудничества и мирного сосуществования государств? Военной угрозой с Востока сейчас трудно запугать даже маленьких детей, не только взрослых государственных деятелей. Учитывая все это, английский еженедельник «Нью Стейтсмен энд Нэйшн» с вполне оправданным sarcasmом писал накануне открытия сессии Северо-атлантического союза, что «НАТО — это анатомич, неуклюжий и вызывающий стеснение мастодонт, который пережил ледниковые дни «холодной войны».

Стремясь утихомирить волны недовольства общественности, американская дипломатия пыталась накануне сессии замаскировать военную направленность этого союза. Такой цели должна была служить и упоминание выше формула Даллеса о том, что НАТО будет чем-то большим, чем военный союз. Со ссылкой на государственного секретаря США печать рекламировала различные планы расширения функций Северо-атлантического блока. «Нью-Йорк таймс» утверждала, что он вот-вот превратится в экономическую организацию и чуть ли не в культурную ассоциацию западных стран.

Следует, однако, сразу сказать, что все эти посулы с самого начала воспринимались западной общественностью с ироничной долей скептицизма. Даже в Соединенных Штатах отказывались верить в возможность такой трансформации. Не кто иной, как председатель сенатской комиссии по иностранным делам Джордж Джавит заявил 30 апреля, что хотя он одобряет попытку Даллеса вдохнуть новую жизнь в НАТО, он «не понимает, как можно превратить ее в экономическую организацию». Не понимал этого, повидимому, и сам государственный секретарь, который ни перед сессией совета, ни во время ее работы не мог сказать ничего определенного на этот счет.

Более того, ряд органов американской печати открыто признал пропагандистский характер разговоров о такой «перестройке». Журнал «Ньюсуик» писал, что проваленная Даллесом попытка обмануть общественность в характере Северо-атлантического союза — это лишь уловка, цель которой успокоить союзников Соединенных Штатов и предотвратить развал его военной структуры. А агентство Ассошиэтед Пресс не остановилось перед полным разоблачением нахушнейшей формулы Даллеса, заявив, что «проблема, разрешением которой занимается Даллес, является проблемой политики и тактики холодной войны».

Ход и результаты совещаний в Париже подтверждают эти догадки. Заключительное коммюнике сессии отразило воплотившиеся американские вдохновители НАТО сделать позаные уступки общественному мнению, сохранение в то же время в неприкосновенности военного характера этой организации.

Авторы коммюнике вынуждены признать, что миролюбивая внешняя политика Советского Союза привела к ослаблению международной напряженности. «Сейчас», — заявляет она, — можно надеяться, что те принципы Устава ООН, которые определяют отношения между народами атлантического сообщества, могут в конечном итоге также определять отношения между Советским Союзом и западными державами». Но тут же, вопреки фактам, они утверждают, будто мирное сосуществование лишь под названием «политики силы». В коммюнике делается также попытка оправдать дальнейшее существование атлантического военного союза, ссылаясь на то, что многие важные проблемы для нас по-прежнему нерешены, хотя известно, что именно существование НАТО препятствует урегулированию многих из этих проблем.

Что касается «невенной деятельности» союза, то о ней в коммюнике, по сути дела, ничего не сказано. Возможность экономического сотрудничества поручено изучить специальному комитету из трех министров иностранных дел. Отложен «для изучения» и француский план оказания помощи слаборазвитым странам.

Западная печать не скрывает своего разочарования в эти дни. Многие газеты признают, что серьезные разногласия все же существуют, а только заглавные внутри. Так, английская газета «Обсервер» в статье, опубликованной 6 мая под выразительным заголовком «НАТО в беде», пишет о «чувстве неуверенности членов НАТО в будущем этой организации, ее моти и ее полезности». «Политическая сплоченность НАТО», — продолжает газета, — опасно подорвана не в результате каких-то происков русских, а потому, что страны НАТО не хотят или не могут ставить на первое место свои обязанности перед союзом».

«Еще накануне сессии майской сессии английского еженедельник «Спектейтор» в таких образных выражениях изобразил политическую обстановку на Западе: «Запад находится сейчас в положении человека, который с трудом шл себе зимнее пальто и теперь подет в нем в неожиданно теплую погоду». Под зимним пальто «Спектейтор» подразумевал атлантический блок».

Что ж, еженедельник, пожалуй, прав, когда заявляет, что западная политика шеголет одетой не по сезону. Но разумный человек, понаблюдав всеенее тепло, снимает стесняющую его одежду. А управляет НАТО, очевидно, кажется, что достаточно валь в петлю их атлантической шубы какую-нибудь бутылочку, чтобы на них перестали показывать пальцем.

Л. СЕДИН

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛЮДЕЙ ОТВЕТСТВЕННЫХ

Владимир ПОПОВ

В редакции «Литературной газеты» меня познакомили с десятками откликов и документов, присланных в связи со статьей «Прошло долгих двадцать лет...». Печально часто люди, не имеющие отношения к промышленности, но вместе с металлургами возмущенные медлительностью научных учреждений. Читатели развивают и углубляют вопросы, поднятые в статье.

Не найти только в книге писем ответа Академии наук СССР. Опровергать, очевидно, нечего, а подтверждать не хочется.

Попытку на ответ мы находим в статье академика И. Бардина «Новый этап применения кислорода в металлургии» («Известия» от 11 февраля 1956 года). Вместо того, чтобы проанализировать причины, вследствие которых исследовательские работы не велись по 5—10 лет подряд, называя людей, запретивших инженеру Мозговому и сотрудникам его лаборатории продолжать опыты по продувке чугуна в конвертере кислородом сверху (способ, который уже усовершенствовали в Австрии), академик Бардин ставится на другой путь.

«Было бы напрасным трудом отыскать первого творца этой идеи», — читаем в его статье. — У нас пришлось бы назвать Д. И. Менделеева, Д. Б. Чернова, а в годы советской власти — прежде всего К. Г. Трубина... Несомненно, что инженер Мозговой, о котором пишет В. Попов, проявил ценную инициативу в этом деле, хотя и были несколько более ранние опыты Московского института стали на заводах «Серп и молот» и «Красное Сормово».

Далее следуют рассуждения о недостаточной квалификации инженера Мозгового. Мы не собираемся умалять ни прозрачности Менделеева, сказавшего, что «спридет время, когда... станут на заводах и вообще для практики обогащать воздух кислородом», ни приоритета Трубина в деле дувания кислорода в факед пламени. Однако нельзя же путать использование кислорода как фактора теплотехнического (ускорение сжигания топлива — способ Трубина) с применением его как фактора технологического (непосредственное участие в реакциях и ускорение их — способ Мозгового).

Как бы ни доказывали обратное, творцом идеи дувания кислорода прямо в металл мартеновской печи и борцом за ее осуществление в течение двух десятилетий является инженер Мозговой. Так же обстояло дело и с продувкой чугуна в ковшах, так же и с получением конвертерной стали продувкой кислородом сверху.

ВОПРОС РЕБРОМ

«Поднятый «Литературной газетой» вопрос чрезвычайно важен», — пишет главный инженер завода имени Петровского тов. Филипов. — Пренебрежительное отношение ученых и работников министерств ко всяким идеям, исходящим от того, кто не имеет патента на изобретение, является тормозом внедрения нового в промышленности... В своей статье «Новый этап применения кислорода в металлургии» академик Бардин называет Мозгового изобретателем-одиночкой с совершенно недостаточной квалификацией. Интересно узнать, считает ли он квалифицированной технической группой Академии наук, которая постановила считать проведение опытов нецелесообразным? Невольно возникает мысль о том, что позиция ведущих ученых в отношении изобретателей находят себе последователей. Ведь не о Мозговом в конце концов речь, а о принципиальных позициях нашей академии в борьбе за технический прогресс и мобилизацию широких масс новаторов на поиски технических решений более совершенных, чем в капиталистических странах».

Иную точку зрения высказывают в своем письме инженеры завода «Серп и молот» тт. Тунков и Барздайн. Отдав дань вежливости Мозговому, как человеку, впервые поставившему опыты по дуванию кислорода в жидкую ванну в 1936 году, его пропаганде кислорода для выплавки стали, авторы утверждают, что им неизвестны какие-либо достижения Мозгового в разработке технологии и конструкций и что они не знают их одного научно поставленного им опыта.

Авторы, к сожалению, не знают и многого другого, что следовало бы им знать, но об этом речь впереди. А сейчас пока мне хочется разобраться и по-человечески понять, как могут тт. Тунков и Барздайн высокомерно говорить об изобретателе, за повторение опытов которого они получили звание лауреатов? Не было бы «неугодного» Мозгового, забытого всеми Архипова, который ввел кислород в формулу мартеновской печи на «Красном Сормове» еще в 1933 году, не было бы у тт. Тункова и Барздайна этих знаний.

Задвигая пальцы в то, что бы то ни стало обелить ПНИИЧЕРМЕТ и очернить автора статьи, тт. Тунков и Барздайн пишут: «30 плавок в программе опытов, утвержденных академиком Бардиным для ПНИИЧЕРМЕТ, мы уверены, вполне достаточно». Восхищение Попова: «Вот так «размах», характеризует только неведение

автора». Но ведь это утверждение защитников института в корне расходится с позицией его руководителей, которые считают это количество опытов недостаточным. «Характер и продолжительность опытов на промышленных агрегатах жестко лимитируются, исходя из интереса завода по выполнению производственного плана. Именно последним обстоятельством объясняется «размах» бригады ПНИИЧЕРМЕТ», — сообщают в письме в редакцию тт. Мурзин и Тимофеев.

Т. Тунков и Барздайн пишут далее: «В. Попов задает риторический вопрос: «А как же обстоит дело с продувкой чугуна в ковшах, ко способ, который позволяет еще по пути из доменной печи к мартеновскому уласть из чугуна некоторую часть примесей, что значительно ускоряет мартеновскую плавку?», и отвечает: «О нем забыли». Не зря забыли, тов. Попов. Такая продукция не ускоряет мартеновской плавки».

И в этих строках авторы проявляют непростительное неведение. Да будет им известно, что на Азовстали запроектирована установка для продувки чугуна в ковшах (авторское свидетельство на имя Мозгового № 62155 с приоритетом от 22 мая 1936 года), что в программной статье ПНИИЧЕРМЕТ («Промышленно-Экономическая газета», № 23) сказано: «Предварительная обработка жидкого чугуна кислородом на пути от доменной печи к сталеплавильным агрегатам... позволит получить такой полупродукт, дальнейшая переработка которого в сталь (в мартеновских и электродуговых) будет сопровождаться резким сокращением времени передела...».

Т. Тунков и Барздайн пишут, что заключение о взрывоопасности способа Мозгового делала в Академии наук группа химиков-теоретиков, что металлургам и тогда была ясна безопасность этого способа. И тут неправда. Заключение делала академик-металлург.

О ВРЕДЕ СОВМЕСТИТЕЛЬСТВА

В докладе на XX съезде партии тов. Н. А. Булганин говорил о вреде, который приносит монополизация учеными отдельных отраслей науки. Организационно это оформляется в виде совместительства. «Я считаю, что вопрос о совместительстве является настолько важным для работы, а научной в особенности, что он требует постановки и рассмотрения в Совете Министров СССР», — пишет в своем письме один из работников Института металлургии Академии наук СССР. — От правильного его решения зависит состояние научной работы во многих институтах страны... Академик Бардин, к сведению редакции, является совместителем во многих местах, если считать, конечно, заводские кафедры в институтах и должности в металлургических журналах».

К чему приводит совместительство, свидетельствуют документы. Вот, к примеру, два заключения одного и того же человека по одному и тому же вопросу о важной проблеме прокатки жидкого чугуна на кровельный лист.

1. «Отмечается перспективность и целесообразность получения чугунного листа из жидкого чугуна. Просить Министра черной металлургии СССР о производстве чугунного листа в системе Министерства черной металлургии СССР».

2. «Строительство новых цехов и организация массового производства чугунного листа на заводах черной металлургии нецелесообразны».

Первое заключение подписал И. Бардин, как директор Института металлургии Академии наук, второе он же, но как директор ПНИИЧЕРМЕТ.

Какое из них правильно? Какому верить? Пока не установлено. Оба они датированы 1955 годом.

Но формулой «да» — «нет» не исчерпывается неразбериха в экспертных оценках. Перегукать многими должностями, торпливое разбирательство серьезных проблем вместо глубокого их изучения вносят путаницу в науку, причиняют неисчислимый ущерб стране.

Вот другая история с более сложной формулой экспертизм: «да» — «нет» — «кажется, да».

Кандидат технических наук С. Л. Юзко предложил способ получения серы из отходов металлургической промышленности — так называемых флотационных хвостов, без затрат топлива.

Этот процесс представляет очень большой практический интерес, и положительное решение его представляло бы крупное достижение химической промышленности и металлургии», — писал в своем отзыве академик Бардин и настаивал на продолжении опытов.

И действительно, использование отходов на месте освободило бы тысячи вагонов от перевозки пустой породы на тысячи километров. Мы не будем описывать всех злоключений автора, которому тоже пришлось опытным путем доказывать взрывоопасность предложенного им способа.

Рассмотрим лишь другое заключение, также подписанное академиком Бардиным:

«Проведение опытных работ по его (Юзко) предложению требует непропорционально больших денежных средств, материалов и труда рабочих и специалистов... Исходя из всего указанного выше, экспертная комиссия рекомендует в дальнейшем рассмотрение и обсуждения заявлений и предложений тов. Юзко не производить».

В ПНИИЧЕРМЕТ, где Юзко работал и боролся за внедрение этого метода, только и ждали такого заключения. Изобретателя вывели из лаборатории разгромной, в полном смысле разгромной силой институтской охраны, образцы полученных им материалов вырвали на свалку. Чтобы забыть основной код в этом метод, присвоили звание кандидата технических наук тов. Стрельцеву, доказавшему несуществование метода Юзко. Но вскоре после этого появляется еще один документ, подписанный главным ученым секретарем Президиума Академии наук тов. Топчиным, где он пишет, что первый раз Академия наук сказала «да», второй раз — «нет», но ввиду реализации аналогичных предложений в Финляндии, Канаде и США необходимо рассмотреть материалы с точки зрения технико-экономической оценки способа тов. Юзко.

Кончился ли на этом? Нет. Изобретатель до сих пор не восстановлен на работу, предложение его не пересмотрено.

Нужно отдать должное академику Топчину, не согласившемуся с категоричным заключением вице-президента Академии наук. Но не рационально ли было бы не адресовать это письмо в Гостехнику, а разобраться во всем в самой Академии наук?

НЕОПРАВДААННАЯ МЕДЛИТЕЛЬНОСТЬ

В пачке писем обращает на себя внимание и письмо ПНИИЧЕРМЕТ, того самого института, который на Московской городской партийной конференции называла тов. Фурцева как пример научного учреждения, не занимающего ведущее место в развитии металлургической науки, учреждения, в котором важнейшие проблемы решаются годами.

Авторы письма — бывший главный инженер тов. Мурзин и секретарь партийного комитета тов. Тимофеев пишут: «Мы признаем справедливость этой критики (со стороны высших партийных органов. — В. П.), но...», и далее следуют доводы, из которых видно, что критика, по существу, не признается и что в этом институте, как и во многих других, сильно преклонение перед научными авторитетами. Самоволью звучат в письме слова: «Тем не менее можно с полной ответственностью заявлять, что по степени изученности вопросов применения кислорода в сталеплавильном производстве советская металлургия подготовлена к принятию кислорода... и что вся вина лежит на Министерстве строительства предприятий металлургической и химической промышленности, возглавляемой тов. Райзером, которое не выполнило постановлений правительства о строительстве кислородных станций». Короче говоря, мы чисты, виноваты другие.

Разберемся в этом. Да, действительно, два года кислородных станций на Ново-Тагильском и Макеевском заводах тов. Райзер не строил. Но в статье стоял вопрос не о внедрении кислорода, а о том, что сделали наши ученые за двадцать лет после того, как было доказано, что взрывов при внедрении кислорода в жидкий металл не происходит. Сделано немного.

Способ профессора Трубина разработан удовлетворительно, способ инженера Мозгового, при котором кислород расходуется меньше, чем требует способ Трубина, будет проверяться только в 1956 году. Пролетка кислородом в бессмертных ковшах решена лишь в 1955 году (после того, как в Австрии применили видоизмененный способ Мозгового), и те не научными силами, а в основном коллективом Енакиевского металлургического завода. Способ производства стали посредством

применения кислорода в сталеплавильном деле; 2. не оправдывает себя принцип совместительства, при котором несколько научно-исследовательских институтов возглавляемых одним и тем же ученым.

Тов. Коровов обещал эти вопросы, указав лишь, что внедрение кислорода в промышленность задержалось из-за невыполнения плана строительства крупных кислородных станций на металлургических заводах. Как известно из статьи тов. Попова, научная разработка методов применения кислорода в сталеплавильном затонула почти на два десятилетия, тогда как строительство кислородных станций смогли приступить лишь в 1948 году. Может быть, тов. Коровов считает, что в научных исследованиях такие темпы вполне приемлемы?

Нельзя не отметить, что на вопросы, поставленные в статье, вызвавшей многочисленные отклики и запросы читателей, до сих пор не даны ни нужные ответы президиум Академии наук СССР и Министерством черной металлургии СССР.

А ведь писатель Владимир Попов вел прямой разговор именно с ними!

А ведь писатель Владимир Попов вел прямой разговор именно с ними!

кислородного дутья из фосфористых чугунов не решен по сей день. Несмотря на множество обещаний, не освоена выплавка с помощью кислорода мартеновских чугунов. А ведь правительство отдало указания для проведения опытов Ново-Тагильский металлургический завод, где есть доменная печь, мартеновская, конвертер и кислородная станция такой мощности, какой не имеет по сей день ни одно промышленное предприятие. И напрасно директор Института стали ПНИИЧЕРМЕТ тов. Воскобойников в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» говорит, что секретность мешает ему рассказать о достижениях в применении кислорода при выплавке чугуна.

Дорого обошлась нам эта секретность. За границей о применении кислорода писали с 1947 года, а у нас кислородные проблемы были засекречены до 1955 года и тем самым выведены из-под контроля общественности.

С болью рассказывали мне рабочие Азовстали о том, что на опытный пель, где дували кислород, не пускали ставленников других печей, на работах не производили даже слово «кислород», называли его «интенсификатор», а домохозяйки в городе, завидев столб коричневого дыма, подымающегося из труб мартеновского цеха, говорили: «Опять кислород дуют».

Нет и в допине самкритичности в письме ПНИИЧЕРМЕТ, а читателям было бы интересно узнать, как получился, что в списке кандидатов на соискание Сталинской премии не попал Мозговой, подлинный изобретатель метода дувания кислорода в ванну мартеновской печи (авторское свидетельство № 92012 с приоритетом от 21 апреля 1933 г.).

Нет, не торопились наши ученые с работами по кислороду. Теоретические обоснования этому изложено в докладе академика Бардина о внедрении кислорода (журнал «Кислород», № 1 за 1944 год). Согласно приведенной схеме «порядок разработки всякой новой идеи должен проходить следующие стадии»:

Предварительная оценка

Соответствие основным законам металлургии; возможность технического оформления процесса; степень опасности производства; себестоимость производства; стоимость исследовательской работы; борьба с конкурентами; возможность сбыта; обеспечение сырья; погашение капиталовложений; оплата патентов и т. д. и т. п.

За неимением места мы не приводим еще три стадии и 14 разделов этой запутывающей и запугивающей схемы, насыщенной почему-то капиталистическими категориями («борьба с конкуренцией», «плата патентов»). Американцы потому быстро освоили кислород, что этой схемы не придерживались, а уж кому-кому — им надо было поддаться над некоторыми стадиями. Схема эта разработана, по моему, с единственной целью оправдать недопустимую медлительность научных организаций.

Этапы, которые пережил в своей жизни инженер Мозговой, более просты. На этот раз «схема» выглядит так:

1. Схема изобретения.
  2. Патент изобретателя.
  3. Изобретатель — не изобретатель.
- Два первых этапа достаточно продюстрированы мною в предыдущей статье; третий этап иллюстрирует в своей статье в «Известиях» академик Бардин. И по сей день инженеру-новатору не созданы условия для творчества.

Выводы из всего этого очень просты: надо не на словах, а на деле выполнять решения нашей партии и блюсти советские законы.

XX съезд партии осудил монополизацию отдельных отраслей науки, и надо разномонopolизировать их.

И, наконец, если говорить о внедрении нового, то и на деле нужно шире давать ему дорогу.

применения кислорода в сталеплавильном деле; 2. не оправдывает себя принцип совместительства, при котором несколько научно-исследовательских институтов возглавляемых одним и тем же ученым.

Тов. Коровов обещал эти вопросы, указав лишь, что внедрение кислорода в промышленность задержалось из-за невыполнения плана строительства крупных кислородных станций на металлургических заводах. Как известно из статьи тов. Попова, научная разработка методов применения кислорода в сталеплавильном затонула почти на два десятилетия, тогда как строительство кислородных станций смогли приступить лишь в 1948 году. Может быть, тов. Коровов считает, что в научных исследованиях такие темпы вполне приемлемы?

Нельзя не отметить, что на вопросы, поставленные в статье, вызвавшей многочисленные отклики и запросы читателей, до сих пор не даны ни нужные ответы президиум Академии наук СССР и Министерством черной металлургии СССР.

А ведь писатель Владимир Попов вел прямой разговор именно с ними!

А ведь писатель Владимир Попов вел прямой разговор именно с ними!

Велорусский университет имени В. И. Ленина — одно из крупнейших учебных заведений республики. В октябре текущего года в университете начались занятия. Студент 5-го курса филологического факультета комсомолец Нил Гилевич готовит к изданию свой первый сборник стихов «Среди друзей и знакомых». В комнате студенческого общежития, где он живет, часто собираются молодые литераторы для обсуждения новых произведений. На снимке: в комнате студенческого общежития Н. Гилевич (второй справа) читает товарищам по литературному кружку свои новые стихи. Фото М. Минковича

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Оксана, заводи песню!

В числе многих серьезных задач «Госкультпросветзат» решает задачу снабжения коллективов художественной самодеятельности одноактными пьесами. И здесь мы должны воздать должное солидному культурному учреждению. Просто сердце радуется, — как оперативно и легко откликается издательство на самые что ни на есть злободневные темы современности! Перед нами лирический водеvil Виталия Зака «Над оврагом». Автор смело перенес место действия на целину. Герой пьесы топограф Рошин, он же студент-заочник, обеспокоен тем, что размежевание целинных земель между совхозами может задержать пахоту нацелу позже срока! А помощник Рошина необдуманно заболел — у него шею раздуло, «нависла опасность», и топографу пришлось взять в поле «лохматого мальчишку» Шуру. Беспокойно одно: не выдрала бы мальца тетка за самовольную отлучку на освоение целинных земель. Но сомнения молодого топографа были рассеяны мужественной, исполненной чувства долга репликой Шуры. Никакого меня не драли. Мол, тетка профессиональный элемент и понимает, что размежевание целины — дело государственной важности.

С особой силой мастерство драматурга проявилось в построении сюжета — остро, как лезвие бритвы, и полно неожиданности. Стремительно развиваются взаимоотношения героев пьесы. Вот, например, кусок (цитируем с сокращениями):

Шура. Наверно, у вас где-то есть дичина и вы ее из головы выбросите не можете. Рошин (угрожающе). Шурка! (Лыбается). Ну ладно, как другу скажу. Три года была... Я ей занимать помогал, метагидро в голову укладывал. Но она заметила одного инженера с квартирой, педагогу забросила и перешла на оный факультет домашнего хозяйства и танцев на инженерской квартире... Шура. Вы поради охотнее! Рошин досадливо машет рукой и уходит. Входит хозяйка переднего двора торгового ларька Оксана, подруга Шуры. И здесь — очень острый момент! — зритель выясняет, что Шура отнюдь не «лохматый мальчишка», а вполне сформировавшаяся девица. Но поскольку она бродила по окрестностям совхоза в шароварах, озобоченный делами Рошин не смог разглядеть в ней явные признаки юности, потому что «работает над собой и ее воспитывает».

Что касается искусства В. Зака показывая романтику трудовую полноту, энтузиазм покорителей целины через песни и пляски, то оно, быть может, и вовсе не имеет себе равного. Сцена фотография на фоне целинной природы является центральной в пьесе. Желая «испытать» Рошину, красавица Оксана предлагает: «Можете меня сейчас в шкуру пошеловать». Но Рошин, ибо «в нем сидит художник», аскетически отвергает это заманчивое предложение. Съемка естественно переходит в пляску. В перерыв между переизрядкой аппарата опытная Оксана шепотом подстергает Шуру:

«Он у тебя какой-то каменный... Уж я его как испытывала. И разговором и пляской. Не поддается... Тае? Когда понастоящему тае, так сейчас же и закипает. С поцелуями пристаю... Уноси лучше скорее ноги отсюда».

Короткая сценка ревности, и Оксана советует возвратившемуся Рошину сфотографировать Шуру в русском сарафане, поскольку у него (нее) «девушка получится... без всякой уценки». Однако, ослепленный несчастной любовью к блондинке, Рошин и в перерыв Шура все еще не признает особы женского пола, а только хвалит, что он (она) «здорово за девушку играет».

Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. После двукратного фотографирования, общей украинской, а затем русской пляски Рошина почему-то потянуло в овраг. К тому времени у Шуры, по ее признанию, уже «выработалось материнское чувство» к нему, и она сильно обеспокоилась, что «он там голову слома», а уж «ногу сломае обязательно».

Всю картину пьесы можно считать удачной. Пьеса написана новаторски, с подлинным знанием особенностей театра. Петр «размешивает шагает из угла в угол», «останавливается, молчит», «снова ходит по комнате», «стоит задумавшись», снова «продолжает совершать свой маршрут по комнате». Мизансцены эти в сочетании с короткими репликами показывают внутреннюю борьбу Петра. Наконец он, «как бы призвав себя», говорит о созревшем в муках решении: «Должен!» — и уходит в райком.

Простетленная молодая мать Нина сообщает о принятом папой решении своему младенцу Мишеньке.

Знаете... Госкультпросвет выпустил чуть ли не стотысячный тиражом и ряд других, стоящих на том же высокохудожественном уровне пьес. И остается загадкой: почему такие пьесы не привлекают внимания участников самодеятельности? В самом деле — почему? Что их не устраивает? Чем они недовольны? Быть может, они не согласны с той высокой оценкой, которую дают пьесам московские режиссеры в своих заключительных изданиях комментариев? Быть может, не устраивает язык героев? Или же считают, что неизменный редактор таких пьес Л. Я. Циновский (сам, кстати, столь же опытный сочинитель подобных произведений) чего-то недоосмотрел, чего-то недопонял? Или, наконец, участники самодеятельности не верят в творческую фантазию авторов, разрабатывающих целинные темы лишь силой своего воображения?

Во всяком случае, мы с большим удовольствием написали бы рецензию не на пьесу, а на спектакли. Но поскольку это не в упрямства участников художественной самодеятельности невозможно, мы подымаем свой скромный обзор не как благодарный зритель, а как

Незадачливый герой, однако, ограничимся лишь тем, что с кручи сорвался и упал в обморок. Только случайно, подслушав разговор хлопотавших возле него попут, Рошин, — наконец-то! — убеждает в том, что Шура — девушка и что в короткие мгновения ее чувства к нему из материального ужесточилось в «любовое» до «бесчувствия», от которой «сердце разрывается». Рошин — какая находка! автор! — решает пока «закрыться» за совхозной школой «года на три», а «там видно будет».

Энергично, оптимистично звучит заключительная реплика Шуры: «Теперь все встанет на верные рельсы — и работа и жизнь... Оксана, заводи песню!» С пьесой В. Зака по теме перекликается пьеса А. Ульяновского «Трудный день». Но если Рошин, Шура, Оксана уже плещут и поют на целине, то герой «Трудного дня» еще стоит на распутии. Драматург убедительно показывает, как нелепо принять решение ехать в деревню. Ведь там «с неприятными буднями очень тяжело... да, тяжело», с другой стороны, «сердце требует». Вопрос, как поступит, Нина, молодая мать, пытается выяснить в трогательном собеседовании (заменяя собеседника «лохматый» до «бесчувствия» грудным младенцем Мишенькой, потерявшим сон, видя, потому, что и его этот вопрос мучает. А перешитый папа Петр «все хочет, чтобы кто-то подтолкнул его»... Этот толчок Петр получает от своей сестры Клавдии, отсталой колхозницы. Ей надоело в колхозе «за грош надвираться», «ломать кости, работать на совесть — хвать!». Она говорит: «Живи теперь — развратный свое хозяйство. Расти!»

Культурный брат Петр, преодолевая ее отсталые настроения, называет Клавдию «шкурницей» и сообщает о своем решении ехать в деревню.

«Горланить-то вы все горазды! А вот покажите норвиге в тот колхоз, что побогаете да поиче», — парировать отстала колхозница и в явное нарушение устава сельхозартели единично предостерегает: «Ты лучше поживи на работах в Озерках! Организуи у нас людей. Наладь колхоз. Будь председателем. Ну, что?.. Сам ты — шкурник!»

Клавдия уходит. Заключительная сцена написана новаторски, с подлинным знанием особенностей театра. Петр «размешивает шагает из угла в угол», «останавливается, молчит», «снова ходит по комнате», «стоит задумавшись», снова «продолжает совершать свой маршрут по комнате». Мизансцены эти в сочетании с короткими репликами показывают внутреннюю борьбу Петра. Наконец он, «как бы призвав себя», говорит о созревшем в муках решении: «Должен!» — и уходит в райком.

Простетленная молодая мать Нина сообщает о принятом папой решении своему младенцу Мишеньке.

Знаете... Госкультпросвет выпустил чуть ли не стотысячный тиражом и ряд других, стоящих на том же высокохудожественном уровне пьес. И остается загадкой: почему такие пьесы не привлекают внимания участников самодеятельности? В самом деле — почему? Что их не устраивает? Чем они недовольны? Быть может, они не согласны с той высокой оценкой, которую дают пьесам московские режиссеры в своих заключительных изданиях комментариев? Быть может, не устраивает язык героев? Или же считают, что неизменный редактор таких пьес Л. Я. Циновский (сам, кстати, столь же опытный сочинитель подобных произведений) чего-то недоосмотрел, чего-то недопонял? Или, наконец, участники самодеятельности не верят в творческую фантазию авторов, разрабатывающих целинные темы лишь силой своего воображения?

Во всяком случае, мы с большим удовольствием написали бы рецензию не на пьесу, а на спектакли. Но поскольку это не в упрямства участников художественной самодеятельности невозможно, мы подымаем свой скромный обзор не как благодарный зритель, а как

БЛАГОДАРНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

10-летие Издательства иностранной литературы

Четвертого мая, в канун Дня советской печати, в Центральном доме работников искусства собрались сотрудники Издательства иностранной литературы, ученые, писатели, журналисты, представители общественных организаций столицы, чтобы отметить десятилетие издательства.

С докладом выступил директор издательства П. А. Чувиков. В первый год существования, сказал докладчик, издательство выпустило около пятидесяти книг. В 1955 году это число возросло в восемь раз.

Велик спрос читателей на произведения современных зарубежных писателей. Так, роман «Жизнь во мгле» Уилсона переведен на русский язык. За десять лет издательство выпустило художественные произведения более чем 400 иностранных писателей.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«МАСТЕР, КОТОРОГО ПРЯЧУТ...»

В заметке под таким названием «Литературная газета» от 31 января 1956 г. речь шла о талантливом мастере глазных протезов В. Никонове, которому не оказывали необходимой помощи украинские организации здравоохранения и социального обеспечения. Заменить министр здравоохранения УССР тов. Лаврик сообщил редакции, что принято решение увеличить штат работников протезной мастерской, которой руководит тов. Никонов. Подобная же мастерская будет в этом году организована в глазном госпитале в Одессе — кадры для нее подготовит тов. Никонов.

ОБЗОР ПИСЕМ

Воспитывать смелых и сильных

На фельетон «Повесть о том, как восьмой класс «Б» ходил в поход» («Литературная газета» от 10 марта 1956 года) в редакцию поступило много откликов читателей.

Авторы некоторых откликов пишут о том, с каким теплом, с какой светлой радостью вспоминают они о дальних походах, о многодневных прогулках в горы — не по шоссе, а непременно по пастушьей тропе, о летних путешествиях, совершенных в далекие школьные годы.

Руководитель лекторской группы Е. Таранов (Запорожье) до сих пор не забыл, как «Генка Вишняк» прихватил в одной в путешествие не предусмотренный ни одним справочником по туризму будильник, который стоял обычно на пенке и ровно в 6 будил кашеваров. Интересный, полный неожиданностей и приключений поход остался одним из самых ярких воспоминаний детства.

О тов. Таранов пишет и о другом — о том, как некоторые педагоги старались помешать походу, как называли организаторов его хулиганами, как инструктировали «по дороге не петь, дабы не простудить горло, не удаляться по шоссе более чем на 200 метров», как, наконец, после похода вожатая получила выговор в приказе («так

как Галочка вернулась с поцарапанными в малиннике руками»). Словом, та же история, какая случилась с 8-м классом «Б», только происшедшая много лет назад.

Да, к сожалению, дурные традиции, вернее, люди, зараженные ими, обладают иногда удивительной силой сопротивления. Изначная опека над школьниками, окрики и одергивания, боязь малейших отклонений от «сборника инструктивных материалов» — все это диктуете отнюдь не любовью к детям. Это перестраховка неуверенных в своих педагогических способностях людей, которые не только сами работают без творческого огонька, но хотят воспитать в таком же духе и молодежь.

Содержание нашей жизни, ее полнота и богатство, ее стремительный темп, пронизывающий все ее участки пафос строительства, творчества — все это требует, чтобы школа готовила людей смелых, с открытой душой и горячим сердцем, напористых, не боящихся, если надо, встретиться грубо бурю. Об этом много пишется в детских книгах. Герои лучших из них именно таковы, это настоящие дети. Учитесь у них, — говорят автор юным читателям. Но попробуй в жизни подражать им, если с тебя не спускают глаз, опекают по мелочам.

Нельзя не разделить волнения тов. Таранова, который пишет: «Довольно болтает о романтике, строчит это хорошее

слово на бумаге и мусолит его в воспитательных речах! Нашим ребятам нужны не только рассказы о выносилках, находчивых людях из приключенческих книжек. Нужно самим их делать такими».

А где же воспитывать такие качества, как не в походе! — говорит читатель Б. Черныков (Московская область).

Туризм — это спорт сильных. Он воспитывает волю, самообладание, чувство долга перед товарищем. Да, он связан с лишениями, в нем есть даже элемент риска», — пишет член бюро туристской секции общества «Крылья Советов» Р. Король (Москва).

Туризм, как известно, не противопоставлен пятнадцатилетним подросткам. В этом возрасте человек жаждет увлекательных дел и необычных приключений, и лишать его этого — значит глушить прекрасные человеческие задатки.

Воспитать в ребенке чувство локтя — не так-то просто. А как это помогает туристский поход со всеми его вместе пережитыми и вместе пережитыми бедами и радостями! Ведь школа должна создать не только образованного человека, но и члена коллектива. А это не всегда одно и то же. «Наблюдая за стариками-нижками, — делится своим мыслям врач Д. Тартаковский и агроном Л. Вигес (Т. Сорочин) — мы видим иногда, как в нормальном классе, состоящем из безупречных учеников, коллектива все же нет...»

По-разному можно понимать один и те же слова, такие, например, как дисциплина, как романтика туристских походов. Дисциплина обязательна — это бесспорно.

Однако умный, понимающий душу ребенка воспитатель не станет противопоставлять ее естественному стремлению ребят к самостоятельности, как это попы

НЕ УПУСКАЯ ПОДРОБНОСТЕЙ...

Книга Н. Богословского о Чернышевском вышла в серии «Жизнь замечательных людей» и рассчитана на широкие круги нашей молодежи. Перед автором стояли значительные трудности: надо было рассказать о всем многообразии деятельности этого человека, рассказать увлекательно, просто и научно обоснованно.

Над изучением наследия Чернышевского у нас работает немало исследователей — литературоведы и философы, экономисты и историки, педагоги и лингвисты. И естественно, что, создавая свою книгу, автор опирался на все то, что уже накоплено нашей наукой, творчески синтезируя достижения в этой области. Таким образом, книга Н. Богословского представляет двойной интерес: и как оригинальная работа в своем жанре и как некоторый итог уже достигнутой другими исследователями.

Штрихи за штрихом, не упуская ни одной подробности, рисует Н. Богословский фигуру нашего замечательного предшественника. И, увлеченный описанием чудесной жизни, читатель не задумывается, быть может, над тем, что почти за каждой строкой книги стоят документы и факты, многочисленные исследования и пожестившие листы архивных папок, годы и годы кропотливого труда.

Может показаться, что задача автора была несложна: как можно проще рассказать о Чернышевском, а уж сама жизнь этого человека пробуждает в читателе и восхищение, и любовь, и большие раздумья. Трудность заключалась «лишь» в том, чтобы суметь передать драматизм и героизм такой жизни. Но это действительно трудность. К сожалению, не всегда удается преодолеть ее автору новой книги о Чернышевском. Слишком уж мерно, ровно звучит порой его голос, слишком спокойно ведется рассказ. И кажется, что иногда этот размеренный тон как бы сглаживает, незаметно ступенькает драматизм событий. Дело здесь, к сожалению, не только в интонациях, стиле изложения. Дело глубже: в книге плохо передана та напряженность политической борьбы, которой и характеризовалась прежде всего жизнь России в период первой революционной ситуации в стране. Особенно ошущито это, когда автор рассказывает о становлении мировоззрения революционера-демократа. Очень подробно говорится о том, какие книги читал юноша Чернышевский и какое воздействие это чтение оказывало на него. Рассказывает автор и о влиянии на Чернышевского друзей — переводов людей того времени.

Однако, «когда... речь заходит об исследовании движущих сил, стоящих за побуждениями исторических деятелей, — писал Энгельс, — то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы...»

Н. Богословский говорит в своей книге о тяжелом положении крестьянства, приводит факты, свидетельствующие о нарастании освободительного движения. Но книга не передает того острого напряжения классовой борьбы, того накала вступительной ненависти в душах миллионов крепостного люда, которые и характеризуют прежде всего знаменитую эпоху. В зарево пожаров, в грохот ружейных и орудийных залпов, раздалась на два непримиримо враждебных лагеря, теряя сотни и тысячи убитых и «пропавших без вести», вступала Россия в славную уру героических «шестидесяти годов». «...Мы, — писал тогда Энгельс, — получили союзника в русском крепостном».

В книге же Н. Богословского картина бунтующей страны часто отходит на задний план, заслоняется менее значительными фактами, и вследствие этого связь Чернышевского с народом порой представляется лишь узкобиографической, как отдельные эпизоды случайных встреч с людьми из низов. Причем в книге эти встречи рисуются, как какие-то наизидательные беседы, которые ведет Чернышевский с простодушными, стремясь «внушить им мысль» о необходимости революции.

Надо сказать, что от подобного смещения масштабов страдает не только представление читателя об эпохе, но и сам облик великого революционера неизбежно утрачивает яркие и значительные черты. Вместе с тем и сами рассказы об этих наизидательных беседах вносят в повествование явный оттенок умилности, вызывая в памяти читателя вереницу иконописных героев из некоторых наших биографических фильмов и литературных произведений. И еще об одном хотелось бы здесь сказать. Ведь Чернышевский был человеком страстным и нежным, человеком убежденным и ищущим. На его долю выпала не только победа, но и страдания, не только большие открытия, но и искания, сомнения, заблуждения. Он жил, боролся в период, который Ленин назвал периодом выстраивания правильной революционной теории в стране. Н. Богословский, как мы уже говорили, упоминает об этих исканиях, но отходит от них лишь в юношество Чернышевского. Дальнейший же путь революционера явно приближается к той воображаемой и утопической в политике жизни, которая самим Чернышевским была названа тротуаром Невского проспекта.

Книга знакомит читателя с основными чертами философии Чернышевского, с его эстетическими и этическими взглядами, с его литературно-критической деятельностью. Умело привлекает исторические факты, рассказы очевидцев, произведения самого Чернышевского, опираясь на данные новейших исследований, Н. Богословский рисует славный образ великого русского революционера, рыцаря без страха и упрека, перед именем которого склоняются головы лучшие люди мира. Безусловным достоинством работы является то, что о многих сложных вопросах политической и литературной борьбы того времени автор стремится говорить просто, но не примитивно.

Н. Богословский, Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1889. «Молодая гвардия». М. 1955. 575 стр.

Вечер, посвященный творчеству М. Залки

Вчера в Октябрьском зале Дома союзов (Москва) под председательством Б. Полевского состоялся вечер, посвященный 60-летию со дня рождения выдающегося венгерского писателя-коммуниста Мате Залки.

Его жизненный и творческий путь охарактеризовал А. Исбах. С воспоминаниями о Мате Залке, встречаясь с ним выступили его друзья-писатели.

Вечер закончился концертом.

К сожалению, этого нельзя сказать о главах, посвященных наиболее важным и сложным проблемам философского наследия Чернышевского. Судя по книге, трудно представить, что все эти «теории» и «принципы», о которых повествует автор, были в свое время тем живым знанием, под которым боролись люди и которое для многих оказалось путеводной звездой, приведшей в марксизму. Вместе с тем, говоря о философии Чернышевского, Н. Богословский часто довольствуется весьма приблизительными оценками и характеристиками, а иногда, пожалуй, и несколько модернизирует взгляды мыслителя 60-х годов, упрощая их.

Есть в работе Н. Богословского недостатки и другого рода. Иной раз автор подпадает под влияние «убойной» восприимчивости фактов. Ну, как, к примеру, можно согласиться с такого рода положением: «Сопоставляя великих русских и западноевропейских деятелей литературы и науки, Чернышевский много раз подчеркивал одно отличительное свойство русских писателей — их органическую любовь к своему отечеству. Западные европейские писатели, говорил Чернышевский, большую часть космополиты. Они преданы науке или искусству без мысли о том, какую пользу принесут именно своей родине». И о ком же идет речь? О Шекспире, Гете, Вольтере, Некрасиве и др. упрощенное восприятие взглядов Чернышевского приводит здесь к их серьезному искажению.

В целом ряде работ о Чернышевском, вышедших в недавнее время, получили широкое распространение взгляды, согласно которым литературные произведения писателя объясняются всего лишь образной интерпретацией его философских и политических идей, своего рода их «реализацией» и «продолжением» в ином качестве.

Отдал дань этой концепции и автор новой книги о Чернышевском. Вот, например, Н. Богословский затрагивает весьма сложный вопрос об отражении в знаменитом романе Чернышевского его этических воззрений. «Эта теория, — читаем мы, — помогла Чернышевскому дать материалистическое объяснение поведению и поступкам своих героев. Правда, это объяснение, — продолжает автор, — еще не чудно домысловое представление о неизменной человеческой природе...» (подчеркнуто мною. — А. Л.). Как видим, подмена эстетических категорий общесоциологическими происходит тут совершенно отчетливо, и термин «материалистическое объяснение» окончательно вытесняет представление о реализме, словно дело идет не о романе, а о философском трактате. Явно упрощается Н. Богословским и сама причина обращения Чернышевского к художественному творчеству. «Страстный революционер, — пишет автор о Чернышевском, — в любых условиях ни на минуту не покладывая рук, избрал беллетристику последним оружием, позволяющим ему в замаскированной форме выразить свои политические мировоззрения» (подчеркнуто мною. — А. Л.).

Характерно, что, говоря о содержании романа в «замаскированной» форме выражения... политического мировоззрения», автор не смог в полной мере понять и своеобразное отражение действительности в литературном творчестве Чернышевского. Здесь тоже все предельно упрощено, все сведено к «портретной выразительности», весьма примитивно подчас понимаемой. В самом деле, о какой типизации можно говорить, когда все содержание того или иного образа целиком исчерпывается его сходством с прототипом? А ведь именно так получается, когда мы узнаем, что в автобиографическом романе «Пролог» Чернышевский изобразил себя под фамилией Волгина, а «под фамилией Девицкого» там «выведен Добролюбов». И когда автор пишет, что Чернышевский «вылагает в уста Соколовского (то есть Серафимовского) такие-то слова, то ни это «вылагает», ни это «что есть» уже не удивляют. Кстати сказать, Чернышевский весьма язвительно отзывался о людях, не понимающих, «что роман надобно читать, как роман. Они, — говорил Чернышевский, — все шипут: с кого срисовал автор вот это или вот то лицо? с себя? или с своей кузины? или с своего приятеля? Они не могут успокоиться, пока не отыщут чего-нибудь такого».

Думается, что упомянутая концепция, удерживающаяся еще в некоторых работах о Чернышевском и проявившаяся, к сожалению, также и в книге Н. Богословского, — концепция примитивная. Она не учитывает сложности проблемы связи мировоззрения художника и его творчества и не охватывает всего живого многообразия форм художественного отображения действительности в искусстве. Процесс художественного творчества в этом случае рассматривается как «художественное воплощение» какого-то заранее принятого и известного «идейного замысла», и художественное произведение анализируется уже не с точки зрения верности отражения в нем жизни, а с точки зрения наиболее адекватного выражения тех или иных идей. Неудивительно, что при подобном подходе к делу не остается места и для серьезного анализа художественных произведений Чернышевского. Все в них заранее объявляется гениальным. Оценка мировоззрения великого мыслителя механически переносится на его художественное творчество, но вместе с этой оценкой переносится и свойственная ей лакировка. Относительно же происхождения теории «интерпретации идей и реализации принципов» известно, что, возродившись у нас в качестве теоретического отражения и своего рода «оправдания» иллюстративных произведений, она заняла заметное место в нашей эстетике, а затем стала распространяться и на область истории литературы.

Читая книгу Н. Богословского и видя: автор знает и любит того, о ком пишет, и досадно становится, когда не в полную меру удается ему передать эту любовь и это знание, досадно становится, когда собственную мысль он приписывает в жертву какой-нибудь привычной схеме.

А. ЛЕБЕДЕВ

Иллюстрации художника Е. Кирилла к книге И. Островского «Как звали нас».

1300 тысяч экземпляров книг Рабиндраната Тагора

Исполняется 95 лет со дня рождения великого индийского писателя, поэта и философа, общественного деятеля и просветителя Рабиндраната Тагора.

Советский народ высоко ценит произведения писателя и знает его как друга Советского Союза. Тагор оставил богатейшее творческое наследие. Он — автор более пятидесяти сборников стихов, 12 романов и повестей, свыше 100 рассказов, многих пьес, публицистических статей, песен, учебников для школы, литературоведческих трудов.

В СССР вышло 50 книг Тагора. Государственное издательство художественной литературы к дню рождения индийского писателя выпустило второй том индусского собрания его сочинений. Вышел отдельным изданием роман «Горючие». В этом году выйдут в свет еще два тома собрания: «Гора», «Дом и мир», «Последняя повесть» сборника пьес и рассказов, книга «Письма о России», созданная после посещения индийским писателем Советского Союза.

Всего в Госиздате выйдут в этом году более 1.300 тысяч экземпляров произведений Рабиндраната Тагора.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

* Встреча современников Фрэнко. Редакция журнала «Юность» организовала во Львове встречу современников И. Фрэнко с писателями, журналистами, преподавателями высших учебных заведений, студентами, рабочими. Редакция пригласила на эту встречу более тридцати человек (им по 75—85 лет), которые хорошо знали Фрэнко, встречались, переписывались и работали вместе с ним.

* Горьковский конференция. Казанский музей А. М. Горького провел научную конференцию, посвященную творчеству великого русского писателя. В ней приняли участие многие литераторы из Казани и Москвы, представители горьковских музеев в Куйбышеве и Горьком. Были заслушаны сообщения о влиянии Горького на татарскую драматургию, об участии Горького в подпольной большевистской печати, о постановке нового его пьес на казанской сцене в годы первой революции и т. д. Б. Бляк выступил с докладом «Горький-критик».

* Первый сборник. «Партия ведет» — так называется первый литературно-художественный сборник, изданный литературным объединением Черкасской области. В сборнике представлено творчество местных поэтов и прозаиков.

* Творческий семинар. В Сыктывкаре состоялся творческий семинар драматургов. Обсуждены шесть новых пьес местных авторов. В работе семинара приняла участие коллектив республиканского драматического театра.

* Выставка о журнале «Молла Насреддин». Подполковник наград в Тифлисе вышел первый номер сатирического журнала на азербайджанском языке «Молла Насреддин». Редактировал его видный писатель-демократ Джамал Мамедкулизаде. На страницах «Молла Насреддина» выступали крупнейшие прославленные азербайджанские писатели. В Иране даже возникли кружки «молла-насреддинцев». Стихи поэта А. Сабера, опубликованные в журнале, стали песнями революционеров.

Музей Ислами Академии наук Азербайджанской ССР подготавливает большую передвижную выставку, посвященную «Молла Насреддину». Проведена научная сессия, посвященная журналу.

Сухуми — Москва

Содержание первой книги стихов абхазского поэта Алексея Ласура, названной «Дружба сверстников», могли бы еще точнее определить два слова: Сухуми — Москва, Москва — Сухуми.

В этих словах все: и дружба этих городов, громадного и сравнительно маленького, и дружба двух братских народов. В этих словах — путь лирического героя книги, его биография.

Путь ведет в Москву. Годы учебы в столичном институте, дружба с московскими студентами, с представителями разных уголков Советской страны, разных зарубежных стран. Любовь, женитьба, возвращение в родные края.

Снова я на земле родной — Так прими же детей своих. Одною меня проводила, А сегодня встречай двоих!

Родится дочь. Долгий семейный совет. Как ее назвать, «чтобы имя по-русски звучало красиво и у нас, по-абхазски, звали ее так».

Александр Ласура, «Дружба сверстников». «Советский писатель», М. 1955.

ПИСАТЕЛЬ и жизнь — эта старая проблема вновь привлекла внимание в связи с выступлениями на XX съезде партии.

Тако оно часто бывает: старые и как будто давно высланные вопросы поднимают вдруг новую остроту и спорность в зависимости от новых обстоятельств.

Еще Н. И. Надеждину чуть ли не поистине лет тому назад приходилось спорить с «нашими автодидактическими всезнайками», которые не желали учиться ни у жизни, ни у книг, ссылаясь на Гомера и Шекспира, которые-де «не учились в университетах». Надеждин уверял «наших молодых поэтов», что Гомер учился всю свою жизнь, что «Илиада» и «Одиссея» написаны «не по одним слухам, а с собственными долготерпеливыми наблюдениями над обычаями различных стран и народов...». Развлек Надеждин и легенду о Шекспире, который был якобы «генем-неучем».

Но уже в наше время было как-то сказано о талантливом писателе А. Грине, что обертки от козосового мыла ему вполне достаточно, чтобы воссоздать картину целой роши козосовых палым. Это было воскрешение старой принципиальной ошибки. Связи А. Грина с жизнью были намного сложнее, хотя богатство воображения давало ему возможность писать о далеких экзотических странах, не выезжая из Крыма. Да и то сказать: Грин не написал ни «Илиады», ни «Одиссею».

Чрезмерные поклонники воображения, или, вернее, люди, плохо знающие природу художественного воображения, ссылались и на Чехова, который отлично описал роды, хотя сам, естественно, никогда не рожал. Но дело в том, что врач Чехов не раз наблюдал роды. И он же говорил о том, что трудно было подлинным, значительным писателем, если дальше Малой Дмитровки никуда не заглядываешь.

Мне кажется, что за возмужением теперь споры о том, надо ли выезжать с Малой Дмитровкой и на сколько, с примусом или без него, на своей машине или обкомовской, упускается нечто более существенное. О технико-географической стороне дела можно легко договориться, не смотря на внешнюю страстность спора. Нетрудно согласиться, что без собственных долготерпеливых наблюдений невозможно написать ничего путного, так же как и признать, что «Русский лес» удалось создать, не прописавшись на постоянное жительство в костромском лесу.

Ни один советский литератор не станет сейчас отрицать, что необходимо жить, наблюдать, изучать. Но не уместно ли напомнить, что дело не только в том, чтобы изучать, но в том, чтобы понимать. Не только смотреть, видеть, но и уметь.

Что увидит писатель в наблюдаемой им жизни — это зависит не только от географии. А прежде всего от умения мыслить. В последние годы наша литературная общественность уделяла значительное (может быть, еще недостаточное) внимание вопросам формы, языка, технологии литературного дела. Но ведь «слог» — это, так сказать, внешняя одежда; мысль — это тело, скрывающееся под одеждой (Достоевский).

Вот о теле, о том, что составляет основное в искусстве, о мысли в литературе следовало бы говорить в первую очередь. Разве не ясно, что «Русский лес» Леонов привлекает содержательной мыслью об исторических судьбах Родины, об искусстве, о великой силе принципиальности. Мысли писателя, пусть даже не всегда бесспорные, но глубоко пережитые, с богатством ассоциаций, с хорошим чувством истории, наполняют живой кровью образы романа. Мысль об историческом пути родной страны придает художественное своеобразие даже пейзажу «Русского леса».

Но для немого числа произведений последнего десятилетия характерна, к сожалению, такая хлесткость мысли, которая облекает автора на эмпирическую иллюстративность, власть воображения, иногда на искажение действительности.

На XX съезде партии говорили о том, что культ личности способствовал развитию догматизма и зачехления и мешал развитию науки. В художественной литературе он также отразился, он приглушал живую мысль.

Дело, разумеется, не в злой воле того или иного автора. Страшен и губителен соблазн выехать на апробированных цитатах и освободить себя от необходимости самому думать, искать, в поте лица добыть плодотворную мысль. Пята в художественном или, вернее, мнимохудожественном произведении — это заранее данная ситуация, по стандартной схеме расположенные персонажи и события, и выводы, вытекающие с такой же безусловностью и в точно определенных дозах, как в автомате-закусочной вытекает сироп.

И сколько бы автор ни уверял нас, что — свет над землей, такое зачитываемое произведение беспредельно, потому что в нем нет проблем мысли.

Отсюда — уже ставшие обычными жалобы на то, что в некоторых произведе-

ниях образ советского человека обеднен, снижен, упрощен. Духовный мир и опыт этого человека гораздо содержательнее, чем его плоскостное изображение.

Наша критика, которая пропускает без единого отклика сотни книг, недавно с редким единодушием ухватилась за повесть Лидии Обуховой «Глубины-Городок». Повесть не успела выйти отдельной книгой, как уже появилось множество рецензий. Оно и понятно: от произведения молодой писательницы повело такой свежестью, добрым и умным ощущением жизни, что критики обрадовались случаю похвалиться.

Привлек внимание образ секретаря райкома Ключарева, человека во многом обаятельного. Ключарев становится особенно выразительным от того, что рядом с ним в повести существует председатель райисполкома Пинчух. Он не пьяница, не расстратчик, не законсервированный бюрократ. Пинчух из тех, кто доволен сам собой, своим обедом и женой, хотя эти и не бывающие старых времен, очевидный с первого взгляда. Пинчух укрыт и для себя и для других своим положением человека, являющегося в одной шеренге с лучшими. Он — государственный деятель, он — член партии. Но суть в том, что самолюбование этого в общем неплохого человека постепенно усыпляет в нем настоящее чувство ответственности и беспокойства за судьбу дела, людей, народа. Завота о выполнении инструкции вытесняет у него заботу о людях.

Ключарев если и не сознает этого отчетливо, то чувствует в исполнительности и спожобности Пинчуха нечто угрожающее. А Пинчух приходит в ужас, когда замечает, что Ключарев задумался над целесообразностью части плана, хотя и выполненного болтозом.

Из пинчухов вырастают те самые персонажи, которым особенно было предать молитвы, потому что они могли разбить лоб.

Обаяние Ключарева не только в том, что он честный и самоотверженный, но и в том, что он удающийся человек. «— А если мы будем только подчиняться, Максим Петрович, — тихо сказал он, — беспрекордно подчиняться, не вдумываясь ни во что и не пытаясь исправить или улучшить наши планы, мы, коммунисты, то что тогда будет с государством?»

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

М. ЧАРНЫЙ

„Одежда“ и „тело“

М. ЧАРНЫЙ

Многочисленные критики, писавшие о «Глубины-Городке», не обратили внимания, однако, на то, что в этой повести, где речь идет в основном о партийной работе, о секретаре райкома, почти нет ни райкома, ни парторганизации, на которые, естественно, должен опираться секретарь райкома. Ключарев действует всюду сам, достигает успехов благодаря будто бы лишь своей энергии и догадливости.

Автор глухо говорит о том, что у Ключарева имеются и недостатки, иногда он грубоват. Но главный его недостаток заключается в том, что он еще не научился работать коллективно, по-ленински, опираясь на массы, не только уха их, но учаю в них.

В повести нет ясного авторского видения недостатков Ключарева. Нужно пожелать, чтобы в дальнейшей работе над повестью Лидии Обуховой наполнили эти пустоты.

Мне о Ггаре и Сухуми Два часа твердил один, А другой в прибой шумел Мелодичность находил.

Очевидно, издательство «Советский писатель» на сей раз недостаточно требовательно отнеслось к качеству перевода.

Да, выступала, призывала, продолжала. А насчет того, что волновала, — приходилось верить на слово.

Грибком многословия поражено большинство стихотворений книги. Большая краткость, доверие в силе поэтического образа, в силе удачно найденного эпитета, неумение вложить большое содержание в емкую, лаконичную форму — все это ограничивает возможности многих наших поэтов. Немало повинны в этом «пространственным» поэтиям и переводчицам, зачастую переводящие стихи «построчно», без особого раздумья над композицией стихотворения, без доброго совета поэту, без заботы о передаче сквозной интонации, скрепляющей всенное строки и строфы.

Следы таких бездумных «переводчиц», к сожалению, заметны в книге. Стихотворение «Чем хорош мой край». А прогауз перевел как-то по плавословому частушечному размеру, не соответствующему оригиналу:

Мне о Ггаре и Сухуми Два часа твердил один, А другой в прибой шумел Мелодичность находил.

Очевидно, издательство «Советский писатель» на сей раз недостаточно требовательно отнеслось к качеству перевода.

Да, выступала, призывала, продолжала. А насчет того, что волновала, — приходилось верить на слово.

Грибком многословия поражено большинство стихотворений книги. Большая краткость, доверие в силе поэтического образа, в силе удачно найденного эпитета, неумение вложить большое содержание в емкую, лаконичную форму — все это ограничивает возможности многих наших поэтов. Немало повинны в этом «пространственным» поэтиям и переводчицам, зачастую переводящие стихи «построчно», без особого раздумья над композицией стихотворения, без доброго совета поэту, без заботы о передаче сквозной интонации, скрепляющей всенное строки и строфы.

Следы таких бездумных «переводчиц», к сожалению, заметны в книге. Стихотворение «Чем хорош мой край». А прогауз перевел как-то по плавословому частушечному размеру, не соответствующему оригиналу:

Мне о Ггаре и Сухуми Два часа твердил один, А другой в прибой шумел Мелодичность находил.

Очевидно, издательство «Советский писатель» на сей раз недостаточно требовательно отнеслось к качеству перевода.

Мысль, способность мыслить, как и вическую человеческую способность, можно глушить и можно развивать. Валентин Овечкин изобразил в одном из своих последних очерков («Об имитативе и талантах») тип глуши-

теля мысли. О, это не Пинчух! Не то масштаб, не те претензии. Любовь не глуш, не прочь вызвать смех на областной конференции цитатами из Шедрина и Гоголя, беспечно обрушиться на местных подхалимов, которые дошли уже до того, что прогнозы погоды стали подгонять под вкусы и потребности начальника Лобова. Но с этими угодниками и подхалимами он мирно уживается. Они даже нужны Лобову для его начальнического комфорта, хотя бы как повод для тех же эффектных цитат из Шедрина. А вот как только появлялся на областном горизонте человек с самостоятельной мыслью, с готовностью отстаивать эту мысль, так Лобов любимыми способами выживал его. Прямое порождение культа личности, Лобов, видимо, считал, что всякое наличие самостоятельной мысли мешает его, лобовскому, областному великолипию.

Непосредственная и плодотворная связь с жизнью определяется у Валентина Овечкина не только тем, что он часто бывает в колхозах, в низовых и районных партийных организациях, где «наблюдает жизнь». Но тем, что он умнее интересуется и заинтересованно думает о ней. Наблюдательность художника сочетается в нем с темпераментом партийного публициста. Поэтому его очерки и приобрели широкое звучание.

Характерно следующее высказывание В. Овечкина в его статье «Колхозная жизнь и литература». «Не всякая тема, — говорил он, — «делает в «беллетристическое» ворота. Иногда мы берем какой-то острый, злободневный вопрос для того, чтобы «вставить его» где-то в какую-то большую вещь, которая будет написана, может быть, через пять лет...». И Овечкин горячо советует не закладывать этот вопрос в сейф будущего, а немедленно выступить со статьей. Тут же он щедрой рукой человека, хорошо знающего деревню и думающего о ней, и «блестящего» всеми ее нерешенными вопросами, выбрал целую пригорюню тем, мыслей, проблем, могущих составить содержание десятков литературных произведений разных жанров.

Немало говорится у нас о традициях Горького и Маяковского, и часто, признаться, всю. Вот такое страстное, партийное отношение к общественным делам, как у Овечкина, такая потребность, готовность вмешаться тут же, лично, не дожидаясь возможности эффектно козырнуть в повести или поэме, только бы вовремя сказать нужное слово, — это и есть подлинное продолжение одной из важнейших традиций Горького и Маяковского.

Мы, разумеется, не хотим сказать, что очерки Овечкина — высшее достижение художественной литературы. Дело в самом отношении литератора к жизни, в его понимании задач литературы.

Для лобовых настали трудные времена. Партия развертывает критику и самкритику, она поощряет деловую инициативу во всех областях жизни, она признает и подлинно научное творчество. Новые возможности открываются и перед литературой, деняется иезидной, ишущей, связанной с живым творчеством масс.

Задачи писательской общественности — слова привлекут внимание к вопросам идеологии литературы в свете новых задач. Надо напомнить, что, как говорил Михаил Анджело, «рисуют головой, а не руками». Пишут тоже головой. Некоторые литераторы иногда забывают об этом.

Кстати, правильно ли поставлено у нас обучение молодых литераторов? В Литературный институт при Союзе писателей принимают одаренных юношей и девушек, как и в любой другой институт, после окончания десятилетия. Они приходят без сколько-нибудь значительного жизненного опыта и обучаются трудному искусству писать. Но разве не прав был Буало, который советовал: «Учиться мыслить вы, затем уже писать».

Этому искусству мыслить нельзя научиться, ограничиваясь учебными литературными и даже логичными. Нужны прежде всего учебники самой жизни, жизненных проблем и ситуаций в их реальном выражении. Не лучше ли было бы принимать в Литературный институт людей после окончания вуза (любого), а главное, после того, как эти молодые люди, имеющие способности к литературе, уже поработали в какой-то области жизни?

Тогда больше оснований ждать от них, что внешняя одежда (слог) будет естественно и изящно покрывать живое мускулистое тело (мысль). А то ведь бывает, что в этих литературных произведениях слог висит, как одежда на деревянной вешалке в магазине готового платья.

Тогда больше оснований ждать от них, что внешняя одежда (слог) будет естественно и изящно покрывать живое мускулистое тело (мысль). А то ведь бывает, что в этих литературных произведениях слог висит, как одежда на деревянной вешалке в магазине готового платья.

Да, выступала, призывала, продолжала. А насчет того, что волновала, — приходилось верить на слово.

Грибком многословия поражено большинство стихотворений книги. Большая краткость, доверие в силе поэтического образа, в силе удачно найденного эпитета, неумение вложить большое содержание в емкую, лаконичную форму — все это ограничивает возможности многих наших поэтов. Немало повинны в этом «пространственным» поэтиям и переводчицам, зачастую переводящие стихи «построчно», без особого раздумья над композицией стихотворения, без доброго совета поэту, без заботы о передаче сквозной интонации, скрепляющей всенное строки и строфы.

Следы таких бездумных «переводчиц», к сожалению, заметны в книге. Стихотворение «Чем хорош мой край». А прогауз перевел как-то по плавословому частушечному размеру, не соответствующему оригиналу:

Мне о Ггаре и Сухуми Два часа твердил один, А другой в прибой шумел Мелодичность находил.

